

**Л.П. БЕРИЯ И МЕЖВЕДОМСТВЕННАЯ КОНКУРЕНЦИЯ
В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ В 1940-е гг.**

© 2018 А.В. Захарченко

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

Статья поступила в редакцию 05.02.2018

В статье на примере деятельности Л.П. Берии исследуется проблема управления в советской экономике. Центральным сюжетом выступает изменение поведения Л.П. Берии в межведомственных конфликтах. Показана взаимосвязь между его карьерным ростом и ролью в разрешении разногласий между агентами советской экономики. Автор определяет этот путь как движение от «лоббиста» к «арбитру».

Ключевые слова: Л.П. Берия, Совет Народных Комиссаров СССР, советская экономика, межведомственные отношения, Госплан, министерства.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект «Госплан и межведомственные отношения в контексте экономической политики СССР в послевоенный период (1945-1953)» № 16-01-50017).

Фигура Л.П. Берии – представителя сталинского окружения, занимавшего ключевые посты во властной иерархии в конце 1930-х - начале 1950-х гг. – одна из наиболее упоминаемых в научных и публицистических работах, посвященных эпохе сталинизма. Глава НКВД-МВД СССР, член Государственного Комитета Обороны в годы войны, заместитель председателя Совета Народных Комиссаров – Совета Министров СССР, руководитель «атомного проекта»... Занимая столь значимые посты, он курировал крупнейшие отрасли военно-промышленной направленности. При нем ГУЛАГ превратился в многопрофильный производственный комбинат, где эксплуатировался труд миллионов заключенных. Вместе с тем роль Л.П. Берии как хозяйственного руководителя пока изучена недостаточно.

Анализ документов, по большей части еще не введенных в научный оборот, и в первую очередь материалов из секретариата союзного правительства, позволяет говорить о прямой взаимосвязи карьерных перемещений Л.П. Берии и его позиции в решении хозяйственных вопросов. Из активного «лоббиста» интересов ГУЛАГа, будучи главой НКВД в конце 1930-х – начале 1940-х гг., он как заместитель председателя правительства и член ГКО переходит на позицию «арбитра» в межведомственных столкновениях, прислушиваясь к мнению специалистов из Госплана. При этом мотивом для Л.П. Берии, как для любого из сталинских соратников в получении нового

*Захарченко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, международного права и зарубежного регионоведения.
E-mail: zaharchenkoav@gmail.com*

участка работы, сопряженного с дополнительными обязательствами и грузом ответственности, выступали сугубо карьерные соображения – укрепление бюрократических позиций, расширение сферы своего влияния в сталинском окружении через доступ к новым кадровым и материальным ресурсам и получение дополнительных властных полномочий.

Став в 1941 г. заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР и оставаясь при этом Наркомом внутренних дел, Л.П. Берия использовал свои полномочия для защиты ведомственных интересов. Попытки региональных партийных руководителей возложить на производственные структуры НКВД дополнительные хозяйственные обязательства встречали со стороны Л.П. Берии устойчивое сопротивление. Подобные обращения возникали регулярно. Так, секретарь Читинского обкома И.А. Кузнецов и председатель облисполкома Н.А. Константинов 19 февраля 1941 г. направили письмо в Совнарком СССР председателю правительства В.М. Молотову и заместителям: Л.П. Берии и Р.С. Землячке. Читинские руководители сетовали на то, что в области не хватает рабочей силы для строительства, в связи с чем из года в год строительные планы не выполняют как республиканские наркоматы, так и местные бюджетные организации. Выход авторы письма видели в том, чтобы создать в г.Чите строительное управление ГУЛАГа с лагерем в 10-15 тыс. заключенных, «что позволит сосредоточить как наркоматовское, так и областное строительство в одних руках и поможет пограничной Читинской области ускорить развитие народного хозяйства». На данное письмо правительство

ответило отказом. Л.П. Берия сумел убедить центральное руководство (В.М. Молотову было направлено соответствующее письмо), что НКВД загружен в 1941 г. большой программой капитальных работ, обязательствами перед другими наркоматами на предоставление рабочей силы из заключенных и поэтому не может удовлетворить просьбу Читинского обкома. 5 марта 1941 г. в Читку официально был отправлен отрицательный ответ¹. Такой же отпор руководители регионов получали и в военный период.

Другие правительственные инстанции, например Госплан, выступая в роли арбитра не оказывали такого давления на НКВД, как того ожидали партийные секретари. Характерный эпизод произошел в 1942 г., когда в Госплан поступила телеграмма секретаря ЦК Казахской ССР Н.А. Скворцова с просьбой передать строительство тракта Агадырь-Акчатау протяженностью в 96,5 км Карагандинскому лагерю, который, по мнению Н.А. Скворцова, имел строительные и дорожные механизмы и достаточное количество рабочих. Аналогичная телеграмма была направлена в секретариат СНК СССР на имя Л.П. Берии, который ответил отказом, обосновав это тем, что Карлаг «сам испытывает значительные затруднения с рабочей силой, поэтому взять на себя строительство тракта не может»². Прочитав ответ Берии, председатель Госплана Н.А. Вознесенский посчитал вопрос исчерпанным³.

В случае, если Берия поддерживал НКВД в ведомственных разногласиях, его секретари отправляли ответы руководства НКВД заинтересованным инстанциям без каких-либо оценочных резолюций. В сентябре 1944 г. из Наркомата земледелия в секретариат Л.П. Берии поступила записка. Текст ее среди прочих документов секретариата не обнаружен, однако содержание полностью восстанавливается по последующим за ней материалам. Глава Наркомзема И.А. Бенедиктов просил Л.П. Берию дать указание Челябинметаллургстрою Наркомата внутренних дел принять на себя строительство механического завода в Челябинске. Записка была передана в НКВД курировавшему промышленные стройки А.П. Завенягину (заместителю наркомата внутренних дел, начальнику Главпромстроя НКВД СССР). Очевидно, что в НКВД, как и в любом другом наркомате, не хотели брать на себя дополнительные хозяйственные обязательства, поэтому А.П. Завенягин ответил традиционным отказом⁴. Удовлетворившись аргументами своего заместителя о наличии собственной напряженной программы и невозможности обеспечить конвоирование рабочей силы Челябинметаллургстроя на строительстве мехзавода, Л.П. Берия просто передал ответ В.М. Молотову – который также, как и Л.П. Берия, будучи членом ГКО и заместителем председателя СНК СССР, получил просьбу Наркомзема⁵.

В годы войны изменение производственной программы затронуло все хозяйственные наркоматы. При этом ряд индустриальных объектов, которые считались приоритетными с военно-экономической точки зрения, вполне могли остаться под угрозой консервации. В таком случае партийные руководители в регионах активно искали поддержки в правительстве, обращаясь с просьбами возложить завершение того или иного объекта на конкретную строительную организацию. Строительные тресты имелись в каждом хозяйственном наркомате, но самыми крупными и оснащенными были предприятия НКВД. «Посягательство» на ресурсы лагерно-строительных управлений вызывало жесткую реакцию в наркомате, где в категоричной форме отказывались брать на себя новые обязательства. Как показывают материалы секретариата Л.П. Берии, он в определенных случаях мог идти на компромисс и настаивать на помощи со стороны НКВД, если это касалось действительно важных с точки зрения военной экономики объектов.

Наиболее крупные промышленные новостройки к началу войны велись в восточных районах СССР, в том числе на Дальнем Востоке, в частности в Хабаровском крае, где велось строительство оборонных заводов. Относительно вопроса о том, чье ведомство будет вести строительство этих объектов, разгорелся конфликт между руководством края и НКВД. Сам конфликт был вызван решением бюро Хабаровского крайкома ВКП(б). 24 июля 1941 г. им было принято постановление, напрямую затрагивающее интересы НКВД. Постановлением предполагалось возложить на один из крупнейших лагерных комплексов системы ГУЛАГа на востоке страны – Нижнеамурлаг строительство трех промышленных объектов – завода №364 Наркомата электропромышленности в г.Комсомольске, завода №126 Наркомата авиационной промышленности, а также выделить на строительство нефтеперегонного завода в г.Комсомольске 1500 чел. рабочих⁶. При этом партийное руководство региона полагало, что Нижнеамурлаг должен был в первую очередь тратить свои материальные фонды на строительство, которые потом будут покрыты ресурсами за счет фондов наркоматов «заказчиков» – Наркомата электропромышленности и НКАП. Еще более категоричным выглядел тон постановления – к работам Нижнеамурлаг должен был «приступить немедленно». Кроме того, строительство авиационного завода по производству бомбардировщиков ДБ-3ф НКВД предполагалось вести скоростными методами по графику, рассмотренному и утвержденному региональным партруководством (Комсомольским горкомом). Копии постановлений поступили в секретариат Л.П. Берии, как обычно, для него было важно узнать позицию другой заинтересованной стороны – НКВД, куда

и было направлено письмо Хабаровского крайкома. Как и следовало ожидать, реакция оказалась отрицательной. Заместитель Л.П. Берии по Наркомату внутренних дел В.В. Чернышов в письме от 10 августа 1941 г. ссылаясь на большую производственную программу на Дальнем Востоке, которая поглощала все материальные и людские ресурсы Нижнеамурлага, который на тот момент насчитывал более 50 тыс. человек. Подчеркивая тот факт, что НКВД сможет взять на себя указанные в постановлении Хабаровского крайкома объекты только в том случае, если будет сокращена уже утвержденная производственная программа по железным дорогам на Дальнем Востоке⁷, В.В. Чернышов, по всей видимости, полагал, что Л.П. Берия ответит одобрением. Однако он склонился к компромиссному решению. На следующий день обеим заинтересованным сторонам были направлены письма из секретариата СНК СССР. Инициатива Хабаровского крайкома не была поддержана, но при этом Берия посчитал возможным предоставить на строительство предприятий заключенных в лагерях Хабаровского края. Одновременно Л.П. Берия дал указания НКВД изыскать рабочую силу в лагерях, «за счет чего эту рабочую силу дать, и сообщить мне»⁸. Причина такого компромисса в условиях напряженной военной обстановки, когда аналогичные претензии отвергались, могла заключаться в двух факторах – статус самих объектов (они имели приоритетное значение, поскольку были оборонными) и время их завершения (основные работы предполагалось завершить в течение года). В данном случае Л.П. Берия поступал как лоббист интересов своего ведомства, получая возможность отчитаться перед Сталиным за поддержку строительства оборонных предприятий.

В секретариат Л.П. Берии в СНК СССР в годы войны регулярно поступали обращения от руководства наркоматов, глав региональных парторганизаций с просьбой ускорить поставку материалов, оборудования, автотранспорта, рабочей силы из числа заключенных, военнопленных, трудпоселенцев. Такие обращения всегда затрагивали интересы НКВД. Вопросы, связанные с наиболее важными с хозяйственной точки зрения предприятиями, ответственность за строительство и ресурсное обеспечение нес НКВД. Л.П. Берия, как показывают материалы его секретариата, брал такие вопросы на личный контроль, о чем свидетельствуют его пометы и резолюции на документах.

Характерный эпизод произошел по проблеме угледобычи в Казахстане. Добыча угля в Карагандинском разрезе Казахстана имела приоритетное значение в строительстве топливдобывающих предприятий силами НКВД, учитывая оккупацию немцами Украины и потерю в связи с этим донбасского угля. О внимании

Л.П. Берии к этому объекту лагерной экономики свидетельствует его реакция на обращение секретаря Карагандинского обкома ВКП(б) – Л.Г. Мельникова. 23 мая 1943 г. он направил Л.П. Берии записку с описанием положения на Карагандинском угольном разрезе. Л.Г. Мельников просил НКВД ускорить отгрузку экскаваторов и пиломатериалов, а также заменить мобилизацию трудпоселенцев, которые уже были заняты на сельскохозяйственных работах, заключенными⁹. Судя по резолюции Л.П. Берии (7 июля), реакция последовала только через месяц. Берия поддержал Мельникова и резко отреагировал на невыполнение обязательств со стороны НКВД, написав резолюцию своему заместителю: «Т. Сафразьян! Как это могло произойти? Вмешайтесь, доложите о принятых мерах»¹⁰. Вероятно, что в течение мая - июня шло выяснение всех обстоятельств в секретариате, но исключено также, что записка просто пролежала столько времени в ожидании решения. Так или иначе, заместитель Наркома внутренних дел Л.Б. Сафразьян уже через день после бериевской резолюции рапортовал о том, что НКВД к концу июня выполнит все свои обязательства в отношении Карагандинского угольного разреза¹¹.

Если вопрос требовал санкционирования высшей инстанции (ГКО или СНК СССР), секретариат Берии готовил проект решения (он, как правило, всегда направлялся заинтересованными сторонами в секретариат союзного правительства). В случае одобрения документа Л.П. Берией проект решения выносился в СНК СССР или ГКО. Разбор частных случаев по хозяйственным спорам и обязательствам между ведомствами и отдельными предприятиями брали на себя секретари, которые переправляли запросы, письма и жалобы конкретным адресатам. Л.П. Берия в таком случае давал устные распоряжения, которые в письменном виде или по телефону представители секретариата доносили до авторов обращения.

В ГКО Л.П. Берия курировал вопросы, связанные с производством вооружений. Переписка с ведомствами шла через его заместителя в этом высшем органе – П.И. Кирпичникова, который доносил точку зрения своего шефа до адресатов. В 1944 г. возник конфликт, одной из сторон которого выступали НКВД и Наркомат вооружений. Предприятия этого оборонного наркомата зависели от поставок спецукупорки, которые осуществлял ГУЛАГ. Оба ведомства имели разногласия с Главным управлением лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР. В письме П.И. Кирпичникову заместитель наркома вооружений А.Н. Сергеев и наркома внутренних дел В.В. Чернышов просили закрепить за колонией в Ульяновской области, выполнявшей заказы на спецукупорку для завода №3 Наркомата вооружений, лесосечный фонд с ежегодным мини-

мумом заготовок в 30 тыс. кубометров деловой древесины¹². Дополнительные лесоматериалы требовались для капитального переустройства железной дороги, по которой продукция колонии поступала на завод. Этот вопрос требовал согласования с ведомством, распоряжавшимся лесными ресурсами – Главным управлением лесоохраны при СНК СССР, глава которого – Г.П. Мотовилов, выступил против инициативы НКВД и Наркомата боеприпасов. Однако позиция Л.П. Берии была однозначной – он решил удовлетворить просьбу наркоматов. Аргументы Г.П. Мотовилова относительно того, что объем лесозаготовок в Ульяновской области уже утвержден постановлением правительства в апреле 1943 г., не возымели эффекта. Не смутило и то обстоятельство, что запрашиваемые для НКВД объемы лесозаготовок в Ульяновской области составляли столько же, сколько выделялось местному населению, школам, больницам, колхозам и местной промышленности вместе взятым (31 тыс. кубометров). Возражение Главлесоохраны привело лишь к тому, что наркома вооружений Б.Л. Ванникова дважды (в июле и августе) вызывали в секретариат Л.П. Берии для согласования по проекту производственного плана, который должен был быть утвержден постановлением ГКО¹⁵. В данной позиции Л.П. Берии прослеживается ведомственный интерес. Как ответственный в ГКО за выпуск боеприпасов в ГКО он поддержал профильный наркомат и НКВД, учитывая общие хозяйственные приоритеты в годы войны и роль оборонной промышленности.

Судя по документам секретариата Л.П. Берии в правительстве в вопросы, связанные со стремлением хозяйственных ведомств получить от НКВД дополнительные людские ресурсы помимо тех, что уже были выделены директивами центра, не встречали поддержки. Как показывала бюрократическая практика, мнение НКВД, куда из секретариата пересылались обращения подобного рода, было решающим для вынесения окончательного решения. Например, в течение двух недель решался вопрос с обращением наркома тяжелого машиностроения Н.С. Казакова и наркома строительства С.Н. Гинзбурга. 2 августа 1944 г. их записка с просьбой к Л.П. Берии дать распоряжение НКВД об организации лагеря военнопленных для строительно-монтажной части и паровозостроительного завода «Красный Профинтерн» была направлена в Наркомат внутренних дел¹⁴. Наркомы сетовали на нехватку рабочих для завершения строительства завода. Однако НКВД уже был к этому времени загружен текущими обязательствами по выделению военнопленных на хозяйственные объекты других ведомств. При этом часть директив ГКО и СНК СССР оставалась невыполненной¹⁵. Л.П. Берия предпочел полностью встать на сторону своего ведомства. Получив 11 августа 1944 г. в ответ на свой запрос

записку начальника управления НКВД по делам военнопленных и интернированных генерал-лейтенанта И.А. Петрова, в которой содержался отказ (с обоснованием того, что из подлежащих распределению 33 тыс. военнопленных на объекты наркоматов завод «Красный Профинтерн» не предусмотрен), он дает указание своему секретарю Г.А. Ордынцеву отказать в просьбе С.Н. Гинзбургу и Н.С. Казакову. 15 августа им был направлен официальный отказ¹⁶.

С другой стороны, в годы войны Л.П. Берия в ГКО курировал производство боеприпасов и на просьбы профильных предприятий о выделении им заключенных откликался лояльнее, тем более если эти просьбы опирались на выполнение постановлений ГКО. Так, 11 августа 1944 г., получив от Главвоенстроя письмо с просьбой выделить в соответствии с постановлением ГКО от 9 апреля 1944 г. на строительство завода №612 Наркомата боеприпасов заключенных одной из колоний, заведующий секретариатом Г.А. Ордынцев связался с заместителем Наркома внутренних дел В.В. Черышовым и попросил его сообщить о принятых мерах по заводу №612 для доклада Берии¹⁷.

Положительно Берия реагировал на просьбы ведомств, которые с точки зрения предоставления трудовых ресурсов не были обременительны для НКВД. Например, получив 26 апреля 1944 г. записку наркома танковой промышленности В.А. Малышева с просьбой предоставить Сталинградскому тракторному заводу 75 квалифицированных рабочих из проверочно-фильтрационного лагеря №108, Л.П. Берия как обычно направил ее на заключение в НКВД своему заместителю С.Н. Круглову и начальнику УПВИ НКВД И.А. Петрову с директивой, которая уже подразумевала поддержать просьбу В.А. Малышева – «доложите, что возможно сделать. Берия. 28.04.»¹⁸. Учитывая, что на Сталинградском тракторном заводе уже работало более 2400 человек из вышеупомянутого лагеря, С.Н. Круглов и И.А. Петров в ответной записке не высказали никаких возражений. В итоге просьба В.А. Малышева была включена в проект постановления ГКО о производстве танков в мае 1944 г.¹⁹

Набрав аппаратный вес в 1940-е гг., особенно в военный период, Берия из «лоббистов» переходит в разряд «арбитров», стараясь разрешить межведомственные конфликты с опорой на экспертное мнение специалистов из Госплана и наркоматов-министерств, разбиравшихся в отраслевых вопросах. Такую позицию он занял в споре «заказчика» и «поставщика» бронетанковой техники. 7 августа 1945 г. от заказчика – главы автобронетанкового управления маршала бронетанковых войск Я.Н. Федоренко и генерал-полковника танковых войск Н.И. Бирюкова поступило письмо в секретариат Л.П. Берии в правительстве. Авторы письма сетовали на то,

что нарком танковой промышленности В.А. Малышев отказывается «принимать на себя» организацию и производство нового тяжелого танка №701 (будущего ИС-4), который успешно прошел все испытания и был признан военными «наиболее совершенным из всех существующих как отечественных, так и иностранных танков»²⁰. В.А. Малышев, отстаивая интересы своего наркомата, выдвигал условие, при котором его ведомство могло взять на себя производство новой машины, – значительное сокращение выпуска танков и артсамоходов серийных образцов. Получив письмо от военных, Л.П. Берия не выносит никаких решений, даже не запрашивает мнения Наркомата танковой промышленности. Он поручает создать рабочую группу, куда включает как представителей заинтересованных ведомств, так и специалистов из Госплана и своего аппарата. В группу вошли, помимо Я.Н. Федоренко и Н.И. Бирюкова заместитель Л.П. Берии в ГКО по вопросам танковой промышленности А.М. Петросьянц и заместитель председателя Госплана СССР Н.А. Борисов. Все они должны были направить в секретариат Л.П. Берии свои предложения²¹. В конечном итоге позиция военных была учтена, и танк ИС-4 был поставлен на вооружение согласно постановлению правительства от 29 апреля 1946 г.²²

Конфликты, возникающие между министерствами по вопросам переподчинения предприятий, аппаратным изменениям внутри ведомств, Л.П. Берия мог просто переадресовывать в другие инстанции, что означало поручение заняться разрешением возникающих разногласий. Например, в январе 1946 г. на пространное письмо руководителя танковой промышленности В.А. Малышева с просьбой не передавать ряд профильных предприятий из Наркомата танковой промышленности в другие структуры, Л.П. Берия отреагировал тем, что передал письмо председателю Госплана Н.А. Вознесенскому и его заместителям – М.З. Сабурову и П.И. Кирпичникову²³.

Вариант более оперативного «арбитража» связан с передачей от Л.П. Берии решения вопроса в виде «подготовки проекта решения». Характерный пример – обращение 23 декабря 1946 г. к Л.П. Берии министра авиационной промышленности М. Хруничева. Глава авиапрома просил разрешить вопрос с поставками угля для ТЭЦ авиамоторного завода №26, работа которого была полностью остановлена, от тепла отключили и рабочие поселки²⁴. В качестве варианта решения предлагалось передать авиамоторному заводу 5 тыс. тонн мазута с уфимского нефтеперерабатывающего завода и 12,5 тыс. тонн угля с угольных предприятий Челябинска и Караганды. В данном случае имело место столкновение позиции Министерства авиапромышленности с Главснаббуглем, который отказался выделять до-

полнительные топливные ресурсы, ожидая директивы «сверху» на возникшую чрезвычайную ситуацию. Получив письмо, в тот же день Л.П. Берия своей резолюцией дал указание П.И. Кирпичникову, заместителю председателя Госплана, курировавшему оборонную промышленность, а также начальнику Главснаббугля М.Т. Помазневу срочно представить свои предложения по разрешению кризисной ситуации на заводе №26. В итоге уже 25 декабря 1946 г. вышло распоряжение Совета Министров СССР по вопросу обеспечения авиамоторного завода топливом²⁵.

Таким образом, позиция Л.П. Берии в межведомственных хозяйственных спорах изменялась вместе с его положением в системе властной иерархии. В конце 1930-х гг. и в начале войны он, как и остальные наркомы, отстаивает интересы своего ведомства, направляя запросы в правительство, спорит с Госпланом за дополнительные преференции для предприятий ГУЛАГа, указывает на препятствия, чинимые другими наркоматами, включенными вместе с НКВД в хозяйственную кооперацию и имеющими обязательства по объектам лагерной экономики.

Уже в ходе войны, с расширением полномочий в органах власти, при решении сложных производственных и технических вопросов, где переплетались ведомственные интересы, Л.П. Берия предпочитал придерживаться позиции «нейтрала», сводя заинтересованные стороны между собой и уже от них требуя согласованных предложений, которые оформлялись как его решение. Наконец, принципиально меняется позиция Л.П. Берии в отношении Госплана. Как заместитель председателя СНК – СМ СССР, член ГКО, он из положения «ходатайствующего» за то или иное решение, и обосновывающего свою точку зрения перед плановиками переходит в статус руководителя, отдающего указания плановым органам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.122. Л.547.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.-Р.5446. Оп.43. Д.783. Л.107.

³ Там же.

⁴ Там же. Д.105. Л.45.

⁵ Там же. Л.44.

⁶ Там же. Д.11. Л.303.

⁷ Там же. Л.304.

⁸ Там же. Л.306.

⁹ Там же. Д.13. Л.375.

¹⁰ Там же. Л.374.

¹¹ Там же. Л.376.

¹² Там же. Д.151. Л.208.

¹³ Там же. Л.208, 207.

¹⁴ Там же. Д.179. Л.153.

¹⁵ Там же. Л.154.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л.152.

¹⁸ Там же. Д.145. Л.550.

¹⁹ Там же. Л.547.

²⁰ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф.4372. Оп.94. Д.324. Л.40.

²¹ Там же. Л.39.

²² Танк ИС-4 послевоенного поколения создавался в

ГСКБ-2 Челябинского тракторного завода. Он был разработан в качестве образца еще в 1944 г. Однако в конечном итоге танк признали неудачным и сняли с производства в 1949 г.

²³ РГАЭ. Ф.4372. Оп.94. Д.1118. Л.9-8.

²⁴ Там же. Л.28-30.

²⁵ Там же. Л.31.

L.P. BERIA AND INTERDEPARTMENTAL COMPETITION IN THE SOVIET ECONOMY IN THE 1940s

© 2018 A.V. Zaharchenko

Samara Branch of Moscow City Pedagogical University

The author examines the problem of governance in the Soviet economy at the example of L.P. Beria's activity. The central subject is the changes in the behavior of L.P. Beria in interdepartmental conflicts. The author examines the relations between Beria's career growth and his role in resolving disagreements among agents of the Soviet economy and defines this path as a movement from a role of «lobbyist» to an «arbiter».

Keywords: L.P. Beria, the Council of People's Commissars, the Soviet economy, interdepartmental relations, State Planning Commission, ministries.